

ФОНТЕНЕЛЬ

Хачик Нишанович Момдзян

Французское Просвещение XVIII века

М.: Мысль. 1983. С.44-63

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ

Предисловие

Социально-политические и идейные предпосылки французского просвещения XVIII века

Фонтенель

Мелье

Монтескье

Вольтер

Руссо

Ламетри

Дидро

Гельвеций

Гольбах

Вольней

Маршалль

Французский материализм — один из идейных источников

утопического социализма и коммунизма XIX века

Библиография

Веб-публикация: Martine-Gabrielle и редакторы библиотеки Vive Liberta и Век Просвещения, 2010. Книга выложена по главам, персональная библиография добавлена к соответствующим главам; ссылки для скачивания даны в нашем сообществе и в библиотеке.

Среди выдающихся мыслителей, подготовивших французское Просвещение XVIII века, важное место принадлежит Бернару Ле Бовье Фонтенелю. Широкообразованный, талантливый и прозорливый Фонтенель много сделал для расшатывания основ религиозного мировоззрения и подготовки того идейного революционного потока, которому было суждено стать введением к французской революции конца XVIII века.

В полной мере можно согласиться с одним из видных знатоков жизни и творчества Фонтенеля, Робертом Шеклтоном, когда он пишет: «Восходя к Монтеню и Шаррону, Джордано Бруно и Кампанелле, к ученым-вольнодумцам начала XVII века, Фонтенель перебрасывает мост также и к Монтескье (которого он пережил физически), к Вольтеру и Гольбаху и является живой иллюстрацией развития мысли от Ренессанса до революции»¹.

¹ Fontenelle. Entretiens sur la pluralité des mondes. Oxford, 1953, p. 28.

Выходец из аристократической среды, Фонтенель стал защитником новых, прогрессивных идей, страстным пропагандистом достижений естественных наук своей эпохи, глашатаем передовой философской мысли. Отстаиваемые им идеи — открыто или замаскированно, прямо или иносказательно, со многими оговорками и вынужденными отступлениями — были заострены против феодальных отношений и институтов, против деспотизма и религии.

Фонтенель прожил долгую жизнь — целых сто лет. Родился он в 1657 году во французском городе Руане, в семье среднего достатка. Отец Фонтенеля был адвокатом при местном судебном учреждении. Юноша Фонтенель окончил иезуитский коллеж в родном городе. Воспитание не дало ожидаемых результатов. У пытливого, любознательного ученика оно не столько закрепляло религиозную веру, сколько порождало скепсис, тысячу вопросов, на которые было бы бесполезно искать ответы в «священных книгах» и в изощренных софистических рассуждениях отцов церкви. По свидетельству одного из наиболее осведомленных биографов Фонтенеля, Ж.-Р. Карре, воспитанник иезуитского коллежа проникался «нечестивыми мыслями», которыми делился только с матерью, приводя ее в содрогание².

Отец Фонтенеля рассчитывал, что сын пойдет по его стопам и станет преуспевающим адвокатом парламента. Однако сын явно тяготел к литературе и науке. Интерес молодого Фонтенеля к художественной литературе, к театру, по всей вероятности, был обусловлен тем, что знаменитый Пьер Корнель был дядей Фонтенеля по линии матери и не мог не оказать влияние на племянника. Имело значение и то обстоятельство, что другой дядя по материнской линии, Томас Корнель, также был связан с литературой и издавал известный в свое время журнал «Mercure galant».

В 1674 году Фонтенель приезжает в Париж и обосновывается в доме братьев Корнель, однако не порывает связь и с Руаном, часто возвращается в родной город — размышлять и работать в тиши. В столице он получает возможность наблюдать панораму экономической, соци-

² Carré J.-R. La philosophie de Fontenelle ou sourire de la raison. Paris 1932, p. 490.

ально-политической и духовной жизни современной ему Франции.

Блеск двора Людовика XIV — «короля-солнца» — не мог скрыть начавшийся кризис феодального строя. Такова была диалектика эпохи: французский абсолютизм — порождение и опора развитого феодализма — многими сторонами своей деятельности, в частности меркантилистской политикой, объективно содействовал развитию капиталистических отношений, росту и укреплению французской буржуазии, которая и возглавила впоследствии борьбу против феодализма.

Феодальная система, пытаясь разрешить свои противоречия за счет народа, прибегала к войнам. Фонтенель наблюдал и грозные народные восстания, для подавления которых власти еще располагали силой. Все предвещало необходимость коренных перемен в важнейших сферах общественной жизни.

Развивающийся капитализм нуждался в рационалистическом мировоззрении, в научном познании для реализации своих экономических и социальных задач, и Фонтенель видел растущее противоборство между реакционными и передовыми идеями XVII века. Это противоборство особенно обострилось в сфере духовной жизни — литературе, искусстве, науке, философии. Ко времени Фонтенеля французские традиции свободомыслия и атеизма были уже представлены такими именами, как Монтень, Гассенди, Бейль. Новые идеи, рожденные экономическим и социальным прогрессом, теснили схоластическое мышление, религиозно-мистическое миропонимание, отстаивали более справедливые взаимоотношения между людьми, более широкие границы свободы человека.

В этой обстановке начинает формироваться мировоззрение молодого Фонтенеля. Возможно, в его интеллектуальной ориентации определенную роль сыграла идейная направленность трагедий П. Корнеля — рационализм, попытки развенчать монархов-тиранов, некоторые симпатии к народным восстаниям, сочувствие к страдающему народу (трагедия «Никомед»).

В Париже Фонтенель приступил к написанию работы по истории французского театра, а также очерка о жизни и творчестве П. Корнеля. С 1677 года Фонтенель начинает печатать свои стихотворные произведения на страницах «*Mercurie galant*», создает тексты двух опер,

музыка к которым была написана известным в то время композитором Жан-Батистом Люлли. Фонтенель пробует свои силы и в области драматургии, но без особого успеха. В конечном счете он сосредоточивает внимание на изучении проблем науки и философии, которые, кстати сказать, никогда не переставали его занимать. Большую часть времени он вновь проводит в родном Руане, не отрываясь от интеллектуальной жизни столицы.

Можно с уверенностью сказать, что 80-е годы XVII века стали временем расцвета творческих сил Фонтенеля. В течение этого десятилетия были опубликованы важные его труды. Так, в 1683 году появились «Диалоги мертвых», где в осторожной форме Фонтенель высказывал скептические по отношению к господствующим идеям мысли. При всей умеренности «Диалогов мертвых» они вызвали довольно оживленные споры. «Блюстители веры» были раздражены духом книги, но для грозных обвинений в адрес автора не было оснований. Фонтенель уже освоил искусство идеологического камуфляжа. Он вполне научился писать «между строк». Через год Фонтенель издает «Суждение Плутона», где почти не скрывает свое удовлетворение шумом, который произвели «Диалоги мертвых», и как бы потешается над теми, кто хотел, но не имел основания на деле «проучить» нарушителя спокойствия.

Только в течение 1686 года Фонтенелем были опубликованы такие известные его работы, как «Сообщение об острове Борнео», «Рассуждения о множественности миров», «Сомнения по поводу физической системы окказионализма», «История оракулов», «Отступление по поводу древних и новых» и др.

В «Сообщении об острове Борнео» Фонтенель, рассказывая о нелепой гражданской войне между сторонниками двух претендентов на престол — Мрео и Энгю — на далеком восточном острове, в действительности зло высмеивает современные ему династические и религиозные войны в Европе (в частности, пародирует войну между Елизаветой Английской и Марией Стюарт), показывает тяжкие последствия этих войн для простого народа.

«Рассуждения о множественности миров» относятся к числу самых острых антирелигиозных произведений Фонтенеля. Опираясь на достижения астрономии, вслед за мучеником науки Джордано Бруно Фонтенель делает важнейшие мировоззренческие выводы из гелиоцентри-

ческой системы Коперника, опрокидывающей библейские измышления о Земле как центре Вселенной.

«История оракулов», направленная против невежества, обмана и издевательства над здравым разумом со стороны представителей языческих религий, в действительности имеет объектом своей критики христианство, его противоречия, мистику, алогизм.

Работа Фонтенеля о научном творчестве Декарта и Ньютона, исследования по математике, исторические труды, статьи, посвященные доказательству превосходства новой литературы над литературой древних, снискали ему славу и известность: в 1691 году он был избран членом Академии наук, а с 1699 года занял пост бессменного секретаря Академии. Может возникнуть вопрос: каким образом Фонтенель при своих взглядах, которые не согласовались с господствующей религией, мог достигнуть столь высокого научного признания? Успех его был обеспечен блестящими дарованиями, которые уже трудно было замолчать. Сказались также тесные связи Фонтенеля с выдающимися французскими учеными-современниками. И наконец, сам Фонтенель в границах возможного не стремился обострять личные отношения с властью имущими, а порой бывал вынужден идти на тактические уступки.

Высокое признание не привело Фонтенеля к выбору более «спокойной» жизни. Он трудился до глубокой старости. Создал многотомный труд по истории французской Академии наук, о ее видных представителях, не утратил интереса и к физике, математике, философии, много работал над философским истолкованием декартовского учения о вихревых движениях. Фонтенель стал свидетелем взлета антифеодальной просветительской мысли XVIII века, вторжения идей Монтескье и Вольтера в духовную жизнь Франции, более того — свидетелем широкой пропаганды материализма и атеизма.

Французские просветители XVIII века с чувством глубокого уважения и признательности произносили имя Фонтенеля, своего предшественника и современника. Они с пониманием относились к его вынужденному эзоповскому языку, мерам предосторожности, к которым он прибегал. «...Фонтенель, — писал Гельвеций, — всегда говорил, что, если бы все истины были зажаты в его руке, он поостерегся бы разжать ее, чтобы показать их людям. Действительно, если открытие одной истины привело Га-

лилея в тюрьмы инквизиции, то к каким попыткам присудили бы того, кто открыл бы их все?»³

Скончался Фонтенель в январе 1757 года в Париже, оставив богатое научное, литературное и философское наследие.

Большой отклик имело просветительское творчество Фонтенеля в России XVIII—XIX веков. Русская интеллигенция очень рано получила возможность читать его не только в оригинале, но и в прекрасных по тому времени переводах Антиоха Кантемира («Разговоры о множественности миров». СПб., 1740), Ивана Бутовски («Разговоры в царстве мертвых древних и новейших лиц». СПб., 1821). О том, насколько популярен был Фонтенель в среде передовых представителей русского общества (декабристы, Пушкин), свидетельствуют и эти переводы, и то место из «Евгения Онегина», где Фонтенель назван в числе самых значительных философов XVII—XVIII веков, книги которых составляли любимое чтение Онегина. Переводы Фонтенеля с французского на русский язык — явление русской общественной жизни, не знавшее в те времена аналогий в истории западноевропейских литератур. Имея полную возможность читать сочинения французского философа в оригинале, просветители России заботились о распространении его прогрессивных идей среди самого широкого русского читателя.

Фонтенель не оставил после себя многотомных специальных философских трудов со систематическим и детальным анализом теоретико-познавательных проблем, с разбором и классификацией основных философских категорий и понятий. Он и не претендовал на звание профессионального философа. Это не мешает нам, однако, говорить о философском наследии Фонтенеля, так как французский мыслитель достаточно отчетливо определил свои позиции в философском осмыслении мира и сформулировал их.

Каковы были эти позиции? Отметим предварительно, что из всех своих предшественников Фонтенель, пожалуй, сильнее всего испытал влияние Декарта. Но какого Декарта: физика или метафизика? Все симпатии Фонтенеля были на стороне физики Декарта. Вспомним, что Декарт, по словам Маркса, полностью отделил свою физику от своей метафизики.

³ Гельвеций К. А. Соч. в двух томах, т. 1. М., 1973, с. 239.

Можно с уверенностью сказать, что материалистическая тенденция в философском мышлении Декарта составляет основу мировоззрения Фонтенеля⁴. Со многими оговорками, открыто не отвергая бога, часто под прикрытием деизма Фонтенель твердо руководствуется положением, согласно которому материя вечна, бесконечна, неуничтожима, а все существующее есть форма бытия единой материи.

Эта идея несотворенности материи отстаивается во многих работах Фонтенеля. Так, в «Истории оракулов» Фонтенель апеллирует к Цицерону, который, полемизируя с легковерными людьми, утверждал: «Поверьте мне, вы полностью разрушаете науку о природе, для того чтобы защитить искусство гаруспиков. Это не может быть естественным ходом природы, благодаря которой все рождается и умирает: ведь таким образом окажется, что некоторые тела возникают из небытия и в него возвращаются. Кто из физиков когда-либо поддержит такое мнение? Однако гаруспики его поддерживают». Приводя высказывания о невозможности возникновения тел из ничего и превращения их в ничто, Фонтенель подчеркивал атеистический характер такой постановки вопроса. Он писал: «Я привел это место из Цицерона лишь для того, чтобы показать, с какой необычайной свободой он нападает на религию, которую сам исповедует».

Оставаясь строго в границах физики Декарта, пусть не всегда последовательно и откровенно, Фонтенель пытается понять мир, не выходя за его пределы, не прибегая к вымышленным сверхъестественным объяснениям, к мистическим силам. Он в основном не преодолел механистического понимания движения материи, но даже такое ограниченное понимание движения считал достаточным, чтобы объяснить многообразие мира, не апеллируя к несуществующим, иррациональным феноменам.

Добавим к сказанному, что не всегда Фонтенель рассматривал движение как перемещение тел в пространстве. Мы встречаем у него мысли о том, что движение совпадает с понятием изменения. Так, в «Рассуждениях

о множественности миров» Фонтенель пишет: «Все тела, даже самые плотные, подвержены всяческому изменению — либо под влиянием скрытого в них невидимого движения, либо под влиянием воздействия извне»⁵. Этот тезис, развитый французскими материалистами XVIII века, будет использован ими для полного изгнания бога из природы и общества. Материя, скажут они, не нуждается ни в каких сверхъестественных силах, чтобы породить все многообразие мира, — вывод, присутствующий, правда, не столь зримо, и в философских размышлениях Фонтенеля.

Наиболее отчетливо материалистическая ориентация философии Фонтенеля обнаружилась в его критике окказионализма и платоно-августинского идеализма, которые защищались Мальбраншем и картезианцами, опиравшимися не на физику, а на метафизику Декарта. Мальбранш и его единомышленники с помощью понятия бога пытались объяснить взаимодействие между телом и душой. Идеи, с их точки зрения, порождаются не в результате воздействия объективно существующих вещей на органы чувств человека. Материальный мир, полагали Мальбранш и его сторонники, осваивается с помощью идей, которые созерцаются людьми в боге.

Не отбрасывая на словах идею бога как источника знания, Фонтенель достаточно последовательно отстаивает принципы материалистического сенсуализма локковского толка, рассматривает идеи в качестве продукта воздействия внешнего мира на органы чувств человека. Не только онтологически, но и в гносеологическом аспекте он пытается преодолеть дуализм Декарта — допущение двух самостоятельных субстанций. Осторожно, с привычными оговорками, часто со ссылкой на самого бога Фонтенель внушает мысль, что нет двух субстанций — духовной и материальной, мир един, существует только одна материальная субстанция, обнаруживающая себя в бесконечных модификациях. Не трудно заметить, что защищаемая Фонтенелем позиция близка по существу к учению Спинозы. С этих позиций Фонтенель отвергает окказионалистскую мистическую концепцию с ее постоянной апелляцией к богу для объяснения изменений в природе и в поведении человека.

⁴ А. Калам вслед за многими исследователями Фонтенеля утверждает: «Главным образом у Декарта он черпал свои научные познания. Он убежденный картезианец и до конца жизни останется верным физике Декарта» (*Fontenelle. Entretiens sur la pluralité des mondes. Edition critique avec une introduction et des notes par A. Calam. Paris, 1966, p. XX*).

⁵ Фонтенель Б. Рассуждения о религии, природе и разуме. М., 1979, с. 111.

Отбросив дуализм, Фонтенель пробует доказать: духовный мир человека есть порождение мира материального, телесного. Все идеи имеют свои корни в реальной действительности. Мы уже отметили роль локковского сенсуализма в формировании теории познания Фонтенеля. Но объяснение идей воздействием внешнего мира на сознание человека, подчеркивает он, было одним из достижений уже античной философии, которая утверждала, «что все находящееся в нашем уме пришло туда через ощущения»⁶. Однако Фонтенель не идет по линии огрубленного сенсуализма. Познание не исчерпывается, по его мнению, только чувственным восприятием мира. Ум человека перерабатывает полученные ощущения, создает представления и понятия, все время сверяя свои духовные конструкции с их объективной моделью. «Оперируя первыми идеями, поставляемыми ему чувствами, — пишет Фонтенель, — добавляя к ним что-то и что-то от них отнимая, делая их из частных всеобщими, а из всеобщих еще более всеобщими, ум образует их настолько отличными от их первоначального вида, что иногда бывает очень трудно проследить их происхождение. Однако тот, кто хочет схватить всю нить и точно за ней проследить, всегда возвращается от идеи более возвышенной и отвлеченной к некоей чувственной, грубой идее»⁷. Мы увидим дальше, что этот материалистический сенсуализм будет использован Фонтенелем, чтобы низвести «возвышенную божественную идею» на грешную землю, объяснить формирование образа бога условиями реальной примитивной жизни людей.

Фонтенель, строго придерживаясь материалистически толкуемого сенсуализма, отвергает вслед за Локком врожденные идеи. Все идеи без исключения заимствованы из опыта, порождены опытом. Все аксиомы также образовались многократным подтверждением каких-то истин опытом.

Таким образом, духовная жизнь, мир идей есть порождение внешнего материального мира. Это и есть убеждение, «символ веры» Фонтенеля. Но этот подход к проблеме противоречит установкам господствующей религии, богословия, официальной философии. Чтобы «обойти» их, Фонтенель прибегает к приему не очень-то ново-

му: он слово в слово повторяет, как слова молитвы, прописные истины благочестия: бог дал законы мышления, бог «дал уму главную мысль, которая различно преобразуется под влиянием воздействия частных объектов на ум»⁸. Первая часть фразы — для святош; вторая выражает позицию Фонтенеля: «частные объекты», т. е. внешние вещи, формируют мысль.

К этому же приему прибегает Фонтенель, чтобы отстоять очень дорогую для него идею единства материи и движения. Бог, пишет он, «дал материи главное движение, которое затем различным способом преобразуется в ее частях, по мере того как они между собою сталкиваются»⁹. Это деистическое утверждение является для Фонтенеля средством избавиться от религии и с помощью идеи движущейся материи объяснить многообразные изменения, которые происходят в мире. Как и Декарт, Фонтенель оперирует механистически понятым движением, но для его времени и такая постановка была огромным шагом вперед в воспроизведении научной картины мира. Принципу единства материи и движения Фонтенель придавал исключительное значение в познании и объяснении мира, не прибегая к каким-либо сверхъестественным, мистическим объяснениям.

Многие авторы, писавшие о Фонтенеле, упрекали его за чрезмерную преданность духу и букве физики Декарта и тогда, когда развитие науки показало неправомочность «теории вихрей» в декартовском толковании. Более того, Фонтенель выступил против ньютоновского принципа действия на расстоянии. Эти упреки основательны, но важно отметить, что неприязнь и неприятие принципа действия на расстоянии были продиктованы мировоззренческими соображениями. Фонтенель боялся каких-либо мистических выводов из учения Ньютона. На это обстоятельство правильно обращает внимание Александр Калам. «Если до конца жизни, — пишет он, — Фонтенель враждебно относился к гравитации, то это было продиктовано философскими соображениями. Он считал опасным это действие на расстоянии для своего рационализма»¹⁰. Ошибка Фонтенеля была продиктована непримиримостью ко всем попыткам подменить рацио-

⁸ Там же, с. 257.

⁹ Там же.

¹⁰ Fontenelle. Entretiens sur la pluralité des mondes. Introduction de A. Calame, p. XXI.

⁶ Там же, с. 254.

⁷ Там же, с. 255.

налистическое, научно-атеистическое объяснение процессов и явлений сверхъестественными, спиритуалистическими причинами.

Научно-материалистические позиции Фонтенеля предопределяли его принципиально враждебное отношение к агностицизму. С большой убежденностью Фонтенель возвеличивал человеческий разум, его неограниченные возможности в познании сущности вещей, в постижении тайн природы. С ростом научного знания он связывал лучшее будущее человечества, освобождение от невежества, предрассудков, от ложно понятых правил жизни, которые делают людей слабыми и несчастными. «... Наш ум, — писал Фонтенель, — может иметь бесконечное число степеней постижения и при этом иметь отчетливые идеи, ибо можно воспринимать отчетливые идеи все больших и больших объектов...»¹¹

Этот познавательный оптимизм Фонтенеля неразрывно связан с декартовским скепсисом, с необходимостью усомниться во всем, с тем чтобы глубже и всестороннее познать истину. Фонтенель подходит к пониманию безграничности познания. Положения, которые в одну эпоху воспринимаются как истины, в другую эпоху обнаруживают свою несостоятельность или же уступают место более глубоким истинам. Эти рассуждения об относительности истины нигде в работах Фонтенеля не сводятся к абсолютному релятивизму в области познания, являющемуся оборотной стороной агностицизма.

В споре о достоинствах литературы древних и современных Фонтенелю народов французский мыслитель развил свои взгляды на историчность познания. Человеческая культура, научное знание, по твердому убеждению Фонтенеля, детерминированы всей совокупностью жизненных условий народов. «... Все, что мог сделать Архимед на заре человечества, — писал Фонтенель, — это избрести плуг; Архимед, перенесенный в иную эпоху, сжигает римские суда с помощью зеркал — если только это не миф»¹².

Фонтенель достаточно последовательно отстаивал идею непрерывности расширения и углубления человеческих знаний. Каждое новое поколение вносит свой вклад в сокровищницу мировой культуры и создает не-

обходимые условия для того, чтобы последующее поколение, опираясь на созданное, продвинулось еще дальше в познании мира, в создании новых культурных ценностей. «Хорошо развитый ум... — отмечает Фонтенель, — складывается из всех умов предшествующих веков: его можно считать одним и тем же умом, воспитывающимся на протяжении всего этого времени»¹³. Условно отождествляя все человечество с одним-единственным человеком, Фонтенель продолжает свою мысль: «... человек этот, живший от начала мира до наших времен, имел свое детство, в течение которого он был занят только самыми насущными своими нуждами, и свою юность, во время которой он достаточно хорошо преуспел в области воображения, то есть в поэзии и красноречии, и даже начал понемногу рассуждать, хотя и не очень солидно, но с жаром. Сейчас он находится в поре возмужалости, когда он рассуждает сильнее и просвещен больше, чем в прежние времена...»¹⁴

Фонтенель достаточно ясно осознает препятствия, которые сдерживают развитие человеческого познания. В цитируемом произведении он воздерживается называть вещи своими именами, указывать на армию реакционеров, защитников социальной несправедливости, воинствующих мракобесов. Фонтенель робко называет здесь разрушительные войны, которые сдерживают нормальное духовное развитие народов. Он знает силу ретроградов, но не теряет веру в восходящее развитие человеческого интеллекта. «... Люди, — пишет он, — никогда не вырождаются, и здравые взгляды людей светлого ума будут, следуя друг за другом во времени, объединяться и взаимно друг друга поддерживать»¹⁵.

Мы имели возможность видеть, что материалистическая в основе своей философия Фонтенеля, его возвышенный рационализм, стремление познать природу такой, какова она есть, без всякой примеси иррационализма, вера в неисчерпаемые возможности прогресса человеческого разума воплощали в себе сокровенные принципы и идеалы французского Просвещения XVIII века.

Критика религии и церкви, содержащаяся в трудах Фонтенеля, является одной из ярких страниц в истории

¹¹ Фонтенель Б. Рассуждения о религии, природе и разуме, с. 261.

¹² Там же, с. 176.

¹³ Там же, с. 183.

¹⁴ Там же, с. 183—184.

¹⁵ Там же, с. 184.

свободомыслия и атеизма. Трудно переоценить подвиг Фонтенеля, если учесть, что все его работы вышли не анонимно, не под вымышленными фамилиями, не за пределами Франции, а на родине под собственным именем. Это обстоятельство вынуждало французского мыслителя, касаясь вопросов веры, предпринимать особые усилия, чтобы не стать жертвой фанатиков. Фонтенелю пришлось прибегать к достаточно испытанному приему: избирать дело так, будто воюет не против религии вообще, не против «истинной религии» — католицизма, а против «ложных учений», против дохристианских языческих верований и враждебных католицизму религий и т. п. Многие христианские церковники, возможно, догадывались о настоящих намерениях «защитника» ортодоксии, но не имели достаточно формальных оснований, чтобы упрятать его в Бастилию.

Если отбросить уловки, к которым был вынужден прибегать Фонтенель, становится ясным, что он воювал против религии, отвергал идею сверхъестественного — основную идею религиозного мировоззрения, отбрасывал понятие чуда. В критике религии исходным пунктом для Фонтенеля была едва замаскированная материалистическая и атеистическая идея: материя вечна, бесконечна и исключает возможность своего возникновения и исчезновения; материя развивается по собственным естественным законам, которые никем не могут быть нарушены, подменены, упразднены.

Борясь против религии, Фонтенель подчеркивал ее фантастичность, иррациональность. Религия неотделима от вымышленных фактов и ситуаций, от веры в чудесное, от грубых или утонченных суеверий. Религия, по Фонтенелю, не только порождена невежеством, но и мешает людям приобщиться к знаниям, не дает человеку увидеть вещи такими, каковы они суть. Во имя прогресса религиозные предрассудки должны быть оттеснены, если уже невозможно избавиться от них полностью — таково его твердое убеждение.

Фонтенель был лишен возможности показать антинаучность христианских представлений, дать критику нелепых чудес, которыми полны страницы Ветхого и Нового заветов. Но никто не мог помешать ему поднять на смех идею сверхъестественного, мистического, неразумного на примерах языческих религий с расчетом, что мыслящий читатель сумеет в критике языческих нелепостей увидеть

и нелепости христианской догматики. Так родилась, очевидно, идея книги Фонтенеля «История оракулов» и логически примыкающей к ней работы «О происхождении мифов».

Фонтенель отвергает в принципе идею богоданности религии, ее сверхъестественного происхождения. Корни религии — в грешной земле. Религия порождена человеческим сознанием. Люди создали богов в соответствии с духовным своим развитием, в соответствии со своими нуждами и чаяниями. «Язычники... творили своих богов по собственному своему образу и подобию. По мере того как люди становились более совершенными, такими же становились их боги. Древнейшие люди были очень грубы и неотесанны и больше всего почитали силу; значит, и боги должны были быть почти столь же неотесанными и лишь чуть-чуть более сильными. Таковы были времена Гомера»¹⁶.

Продолжая свою мысль, Фонтенель утверждает, что по мере усложнения жизни людей, их духовного прогресса изменяются соответственно и их боги. Во времена Цицерона они не только обладают большей, чем люди, физической силой, но и наделены мудростью и справедливостью, превосходящими мудрость и справедливость простых смертных. По мере своего развития религиозные учения становятся более утонченными и менее примитивными, но на всех этапах эволюции религия отражает степень темноты и невежества людей, и в первую очередь, замечает Фонтенель, простого народа. «Чем более люди невежественны, — пишет Фонтенель, — и чем меньше у них опыта, тем скорее им все представляется чудом. Первые люди были склонны усматривать чудеса почти что во всем...»¹⁷

Возникновение и развитие религиозных представлений Фонтенель связывает не только с низким уровнем познавательных возможностей, но и с бессилием людей перед воображаемыми существами, которые во всем на них похожи, но превосходят в силе. «Люди, — пишет Фонтенель, — отлично понимали, сколь много вещей они были не в состоянии сделать: они не могли метать молнии, поднимать ветры, волновать морские воды — все это было выше их власти. Тогда они воображали себе существа

¹⁶ Там же, с. 192.

¹⁷ Там же, с. 189.

более могущественные, чем они сами, обладающие властью вызывать все эти грандиозные явления... И вот перед нами люди со всеми их человеческими особенностями, разве только они всегда чуть-чуть могущественнее людей»¹⁸.

Конечно, современная наука шагнула далеко вперед в объяснении происхождения религии, в раскрытии ее социальных и гносеологических корней, в установлении наиболее примитивных форм религиозного сознания, в определении их особенностей и т. п. Но это обстоятельство не может умалить роль Фонтенеля в защите прогрессивных для его века взглядов на религию и на причины ее возникновения. Многие из этих идей, в первую очередь объяснение происхождения религии земными условиями существования людей, антропоморфная концепция возникновения богов, сохраняют и ныне свою ценность. Отметим и другое обстоятельство. Перед вдумчивым читателем Фонтенеля не мог не возникнуть вопрос: если людская фантазия лепила образы богов, то составляет ли исключение библейский бог и его сын, ниспосланный на землю, чтобы искупить первородный грех людей? И действительно, пройдет ряд десятилетий, и наука поставит вопрос о мифичности Христа.

С особой остротой, можно сказать с беспощадностью, Фонтенель разоблачил роль религии и духовенства в обмане людей в названной уже нами работе «История оракулов». Книга раскрывает удивительную картину, с одной стороны, лежачих людей, их поразительной наивности и доверчивости, а с другой — картину ухищренного, бесстыдного обмана простаков. Прodelки жрецов, жриц, оракулов, так называемых демонов и т. п. в эпоху кризиса Римской империи все время напоминают о сходных делах христианского духовенства времен Фонтенеля. Не вызывает сомнения, что Фонтенеля интересовали не только и, быть может, не столько жрецы и жрицы Древней Греции и Рима, сколько Христово воинство, призванное если не вещанием и гаданием, то иными приемами и средствами манипулировать сознанием огромной массы верующих, держать их в темноте и в покорности.

Рискуя выдать истинные свои цели, Фонтенель временами весьма неосторожно пишет о влиянии языческих религиозных и философских идей на формирование хри-

стианской практики оракулов в среде первых христиан. Вопреки официальным христианским установкам Фонтенель пытается говорить о земных истоках «бог вдохновенной» христианской религии, о языческих философах, которые содействовали ее формированию.

Особое место в атеистическом наследии Фонтенеля занимают знаменитые «Рассуждения о множественности миров». В этой работе Фонтенель, опираясь на великие достижения астрономии, на научное наследие Галилея и Коперника, на философско-атеистические идеи Джордано Бруно, пытается с максимальной возможностью использовать крах геоцентрической системы для подрыва авторитета религии, для дискредитации религиозной картины мира. Обращает на себя внимание факт, что Фонтенель не желает писать трактат, который был бы доступен лишь узкому кругу ученых. В духе Просвещения он желает писать так, чтобы его прочитал и понял возможно больший круг людей.

Фонтенель отлично понимает, что идея о множественности миров и существовании разумных существ за пределами нашей Земли, прямое отрицание геоцентрической системы, которая освящена авторитетом Священного писания, приводит его к достаточно откровенному столкновению с религией. Он отчетливо сознает рискованность своего предприятия и тем не менее восстает против вековых заблуждений. На всякий случай и в этой ситуации он говорит несколько «душеспасительных» слов, успокаивает защитников религии утверждениями, что его «рассуждения» не так уж опасны для церкви. Фонтенель пишет: «Мне остается в этом предисловии обратиться к одному определенному роду людей, но, возможно, это именно те, на кого труднее всего угождать. И не потому, что нельзя привести им достаточно веских доводов, но потому, что их привилегия — не считаться ни с какими вескими доводами, если им это не угодно. Люди эти педантичны и могут усмотреть опасность для религии в предположении, будто существуют обитатели других миров»¹⁹. Далее, очевидно, не без улыбки Фонтенель писал, что он с предельной деликатностью и уважением относится ко всему тому, что касается религии. Более того, он заверяет, что почитает религию, избегает задевать ее и в новом своем произведении,

¹⁸ Там же, с. 191.

¹⁹ Там же, с. 71.

если даже его «убеждения с нею расходятся»²⁰. Чтобы придать хотя бы видимость серьезности заверениям относительно того, что допущение существования других миров и их обитаемости не противоречит библейским сказаниям о создании богом человека на Земле, Фонтенель заявляет: «...когда вам говорят, что Луна обитаема, вы тотчас же воображаете себе людей, сделанных по нашему образцу; и вот, если вы хоть чутьочку теолог, вас начинают одолевать сомнения»²¹. Далее Фонтенель объясняет, что жители Луны не являются потомками созданного богом Адама. Философ прибегает к идее единства и множественности материального мира, к принципу «бесконечного разнообразия, вложенного природой в свои творения»²².

В центре «Рассуждений о множественности миров» — критика докоперниковской космологии, легшей в основу библейских представлений о Вселенной, Солнце, Земле, Луне. Высмеивая эти антинаучные представления, Фонтенель одновременно высмеивает религию, которая узаконила и освятила их. Он не упускает случая упрекнуть самого бога — творца Вселенной, мирового порядка, мягко выражаясь, в некомпетентности. «Нагромождение всех этих орбит, — писал Фонтенель, — было столь велико, что во времена оны, когда не знали еще ничего лучшего, один кастильский король, великий математик и явный безбожник, сказал, что если бы господь бог, когда создавал мир, пригласил его на совещание, он мог бы дать ему несколько полезных советов»²³. Король-безбожник явно приводит в умиление Фонтенеля.

«Рассуждения о множественности миров» — панегирик в честь Коперника и коперниканского переворота в науке. Коперник в оценке Фонтенеля — гениальный и отважный ученый, который поднял руку на все эти освященные религией орбиты и «плотные небеса», «разрушил» одни и «расколол на куски» другие. Беседуя с вымышленной «очаровательной маркизой», Фонтенель воспроизводит учение Коперника, показывая, какой неотразимый удар оно нанесет основам религиозного мировоззрения, с какой убедительностью опровергает претензии религии на абсолютное знание, данное якобы са-

²⁰ Там же, с. 72.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же, с. 81.

мым богом. Пропагандируемое Фонтенелем гелиоцентрическое учение не только лишало Землю того места во Вселенной, которое предоставляло ей освященное невежество, но и опрокидывало другое религиозное учение, согласно которому бог в своей «беспредельной доброте» все сотворил в интересах человека — «венца творения».

Осмеивая этот нелепый антропоцентризм, Фонтенель говорил своей воображаемой собеседнице: «...надо вам заметить, если угодно, что мы от природы устроены так, как известный афинский сумасброд, о котором вы, без сомнения, слышали, воображивший, будто все суда, причаливающие в гавани Пирей, принадлежат ему. Наше сумасбродство в свою очередь состоит в том, что мы также считаем, будто все в природе без исключения существует для наших нужд; и, когда у наших философов спрашивают, для чего нужно такое изобилие неподвижных звезд, половины которых было бы достаточно для выполнения их назначения, они вам холодно отвечают, что все эти звезды служат тому, чтобы радовать взор»²⁴. Точно так же Солнце и Луна вращаются вокруг Земли, чтобы принести тепло и свет людям. Но пришел Коперник и указал Земле и человеку то скромное место, которое они занимают во Вселенной. Великий астроном отменил вековые заблуждения, освященные именем самого бога и всемогущих его служителей. Благо, замечает Фонтенель, Копернику не пришлось отчитаться перед богом и церковью. «...В день, когда ему принесли первый экземпляр его книги... он умер. Он не пожелал, — с мрачным юмором пишет Фонтенель, — терпеть все возражения, которые предвидел, и ловко вышел из игры»²⁵.

В «Рассуждениях о множественности миров» Фонтенель, вступая в противоречие с церковным учением, допускал возможность существования разумных существ на других планетах. Так, он полагал, что, возможно, Луна населена мыслящими существами. Идея внеземных цивилизаций остается вполне обоснованной научной гипотезой, и можно лишь восторгаться смелостью мысли Фонтенеля, широтой его кругозора.

Руководствуясь принципом безграничности человеческого познания, убеждением в беспредельности творческой потенции человека, Фонтенель выражал уверенность,

²⁴ Там же, с. 80.

²⁵ Там же, с. 84.

что когда-нибудь человечество получит возможность выйти за пределы Земли, ступить на поверхность других небесных тел. Он писал: «Искусство летать только что народилось; оно усовершенствуется, и в один прекрасный день мы окажемся на Луне. В самом деле, можем ли мы претендовать на то, будто уже все изобрели или все довели до такой точки, что уж ничего нельзя и добавить? Нет! Согласимся, пожалуй, что будущим векам еще осталось над чем поработать»²⁶.

Отметим в заключение, что Фонтенель, увлеченный философским осмыслением проблем естественных наук, в первую очередь философскими вопросами физики и астрономии, значительно меньше писал о социально-политических вопросах своего века. Но было бы ошибкой на этом основании представлять себе его аполитичным, безразличным к проблемам своей эпохи человеком. В трудах философа достаточно отчетливо сказываются его политические симпатии и антипатии. Фонтенель отвергал деспотическую форму правления. Его симпатии на стороне того, что позднее обозначалось выражением «просвещенная монархия». Нам не известны сколько-нибудь категорические и откровенные высказывания мыслителя против основ феодального строя, но увлеченная борьба Фонтенеля за науку, высказывания в пользу более рационально организованного общества, упразднения кричащих противоречий между роскошью и нищетой были, конечно, формой критики господствующих феодальных порядков. Наиболее отчетливо, как мы уже отметили, эта критика выразилась в борьбе против идеализма и религии.

В «Рассуждениях о множественности миров» имеется отрывок, в котором Фонтенель задает вопрос себе и своей собеседнице: что они думали бы о земных порядках, если бы размышляли о них, будучи мыслящими жителями Луны? «...Могли бы мы вообразить, что здесь, внизу, живет этот странный вид живых существ, который именуют человеческим родом? Могли бы мы представить себе нечто имеющее столь безумные страсти и в то же время — столь мудрую рассудительность? Столь краткую жизнь и такой далеко видящий взгляд? Такие познания в почти бесполезных вещах и столько невежества — в самых важных? *Столь пылкую*

²⁶ Там же, с. 197.

*страсть к свободе — и столь великую склонность к рабству? Столь великую жажду счастья — и не менее великую неспособность быть счастливыми?»*²⁷ В выделенных строках Фонтенель достаточно отчетливо выражает, как нам представляется, глубокие противоречия своего времени. Он неоднократно возвращается к мыслям о неразумной организации людской жизни, об ее абсурдности. Речь явно идет о господствующих общественных отношениях. Фонтенель замечает: «...мы сами без конца себя наблюдаем, и все-таки мы далеки от понимания нашего собственного устройства! Дошли до того, что стали говорить, будто боги были опоены нектаром в то время, как создавали людей, а когда они глянули на свою работу трезвым взглядом, они не могли удержаться от хохота!»²⁸ В этой шутке, представляется нам, речь идет не о физической и интеллектуальной несостоятельности человеческого рода. Боги Фонтенеля смеялись над общественными организациями людей, над порядками, которыми люди установили и которым подчинились.

Фонтенель недостаточно конкретно сформулировал свои социальные идеалы, но отношение к феодальному обществу, к духовному насилию над людьми, к властвующей церкви, к бесконечным войнам, к расправам над массами, которые вынуждены прибегать к оружию, чтобы выжить, он выразил достаточно ясно. Эти идеи были услышаны и развиты деятелями французского Просвещения XVIII века, предшественником которых выступил Фонтенель.

²⁷ Там же, с. 104 (курсив мой. — X. М.).

²⁸ Там же.

Разговоры о множестве миров господина Фонтенелля, Парижской академии наук секретаря. СПб., 1730.

Фонтенель Б. Рассуждения о религии, природе и разуме. М., 1979. Вступ. статья X. Н. Момджяна.

* * *

Fontenelle. Bernar le Bovié de Oeuvres choisies. Paris, 1937.

Fontenelle. Entretiens sur la pluralité des mondes. Ed. by Robert Shackleton. Oxford, 1955.

Fontenelle. Entretiens sur la pluralité des mondes. Edition critique avec une introduction et des notes par A. Galam. Paris, 1966.

Carre J. R. La philosophie de Fontenelle ou sourir de la raison. Paris, 1932.

Неделковић Д. Фонтенел. Веоград, 1963.